

Глава 57. Одинокий мужчина, у которого есть любимый

Вэнь Ле зябко поежился; должно быть, кондиционер работал слишком сильно. Плотно закутавшись в одеяло, он открыл следующую ссылку из списка закладок.

Это был неоконченный текст.

«Круг»

«Я живу так, как считаю нужным, и следую лишь собственным правилам. Клянусь, я никогда не знал усталости. С тех пор как я вошел в этот „круг“, друзья и братья в один голос твердят, что я „не такой, как все“. Возможно, когда-нибудь я и остановлюсь, чтобы перевести дух, но этим днем станет лишь день моей смерти.

Я хочу, чтобы вы знали: мой отец, мать, сестра, все мои родные и близкие — очень простые, бесхитростные люди. Они и мухи не обидят. Но я причинил им боль. Причинил, потому что я — часть „круга“...

Я постоянно слышу, как родители хвастаются друг перед другом своими детьми: какие те послушные, милые, каких успехов добились в учебе или какими честными выросли. В такие моменты мне становится бесконечно грустно за этих взрослых. Неужели вы и вправду знаете своих детей? Ребенок, что после школы бросался вам в объятия — сколько лет назад он исчез? Отличник, что с гордостью приносил вам табель, — не остался ли он в далеком прошлом? Когда ваш сын в последний раз действительно сидел дома за уроками или книгами?

Знаете ли вы о них хоть что-то еще?

Никто не помнит точно, когда именно вошло в обиход понятие „круг“, да никто об этом и не задумывается. Но в моей памяти это слово неразрывно связано с самой сутью мужчины. По крайней мере, в том первом „круге“, к которому я примкнул, все было именно так.

Времена меняются, общество идет вперед, и в этом огромном мире наше существование уже мало кого удивляет. И все же — сколько до сих пор смотрят на нас сквозь призму ветхих предрассудков? Сколько способны нас принять? Те, кого это не касается, бросают мимоходом: „Да какая разница, мы все живем под одним небом. Чем вы, люди из „круга“, отличаетесь от нас?“ Но что вы скажете, если однажды ваш сын или ваш муж признается: „Мама (дорогая), я — гей“? Останетесь ли вы столь же безучастны?

...

Мы не наделены той легкой слезливостью, что присуща женщинам. Возможно, именно из-за того, что мы не проливаем напрасных слез, вы отказываете нам в сострадании. Но в наших сердцах сокрыта праведная печаль, и ярость этого тлеющего огня куда сильнее любого потока

слез.

Поэтому я скажу: пусть мы — меньшинство, пусть мы вынуждены обитать на задворках этого мира, мы все равно способны прожить яркую жизнь.

Один из моих братьев как-то признался: „Я не прошу многого, лишь бы просто прожить эту жизнь честно. Все, на что я надеюсь — это мое следующее рождение. Только там найдутся мои песни, мои мечты и любовь, которую я так ищу...“

Я не пытаюсь казаться высокомерным. Просто я увидел других людей... помимо самого себя...

Вы, их близкие, их друзья, — слышите ли вы их? Лишь такой он и есть — настоящий...

1. Мужчины

Мужчина никогда не должен считать покой и удовольствия единственной целью жизни — подобную этическую установку мы называем идеалом свинарника.

Василев когда-то сказал, что сколько бы любовных приключений ни выпало на долю мужчины, в его памяти всегда остается одна-единственная, незаменимая женщина. Если эта „глубокая любовь“ не находит воплощения, это может привести к беспорядочности и странностям в его отношениях. И наоборот — то же самое верно для женщин.

Когда-то я преклонялся перед ним за эти слова, но теперь я презираю его за них же. Я бы заменил в этой цитате первое слово „женщина“ на простое „человек“. Потому что он проигнорировал наше существование, а может, и вовсе попытался вычеркнуть нас из жизни.

Я могу сказать без тени смущения: мне нравятся мужчины. И это никак не связано с моим ростом в сто восемьдесят два сантиметра или весом в семьдесят пять килограммов. Просто нравятся, и всё. Это чувство предельно чистое...

Меня не волнуют длинные ноги уличных красавиц или их высокая грудь. Я не заглядываюсь на них. Конечно, если женщина сама предложит себя, я, возможно, и посмотрю с интересом — в конце концов, бесплатные обеды раздают не каждый день. Но если мимо пройдет высокий, статный мужчина с хорошей фигурой, неважно, из „круга“ он или нет, я обязательно оценю состояние его кожи, прикину его „коэффициент принадлежности“ или просто пофантазирую о нем.

Долгое время я был один, и, признаться, такая жизнь невыносимо скучна. Ведь когда нам не хватает тепла от остального мира, мы особенно остро нуждаемся в любви братьев по „кругу“.

В огромном Нанкине есть один салон фуд-терапии, который я посещаю каждую неделю. С одной стороны, его владелец — мужчина, причем весьма достойный. С другой — номер шестой,

который делает мне массаж, чертовски мил. Какой бы ни была причина, этот салон для меня незаменим. Но главное — я не просто мужчина, я мужчина, который любит мужчин.

Как-то раз я выходил из этого заведения в приподнятом настроении. Хозяин крикнул мне вдогонку:

— В следующий раз позвони заранее, а то Шестой снова будет занят!

Я продолжал идти, небрежно махнув рукой:

— Окей!

Не знаю, догадывается ли он о моей ориентации, и мне плевать, что он об этом думает. Главное, что мы сосуществуем мирно, и это всех устраивает.

Я стоял на остановке перед входом, не зная, куда податься. В этом и беда: будни одинокого мужчины из „круга“, помимо внешней свободы, всегда пропитаны одиночеством и тоской...

Не успев толком сообразить, что к чему, я уже сидел в такси. Водителю было за тридцать, ближе к сорока. Говорил он вежливо — видать, повидал на своем веку всякого, в большом лесу любой птице найдется место.

— Куда едем? — спросил он.

— Просто вперед. Я еще не решил.

Он на мгновение опешил, а потом усмехнулся:

— Да ладно вам.

— А что такого? Дома я один — тоска. В интернет-кафелюдно, шумно, но тоска не меньше. Пить я бросил целую вечность назад. Так что просто везите...

Он вел машину, время от времени поглядывая на меня, а потом понимающе ухмыльнулся:

— К девкам собрались?

— Мне нравятся мужики.

Да, вы не ослышались, и я не ошибся в тексте. Я просто взял и ляпнул ему правду. Могу

поспорить, у вас сейчас такое же выражение лица, какое было у него. Он уставился на меня, вытаращив глаза, будто зрачки увеличились в несколько раз.

— Да вы шутите? — пробормотал он. — Я же просто пошутил, а вы меня разыгрываете.

— Это вы шутили, а я — нет. Мне действительно нравятся мужчины.

Я не смотрел на него. Машина тащилась еле-еле, и я сосредоточенно разглядывал прохожих за окном.

— Ну вы и смельчак... — выдавил он.

— Смельчак? С чего бы это? — теперь уже я повернулся к нему.

— Ну, обычный человек в таком вряд ли признается.

На его серьезную мину я лишь рассмеялся. Он еще пару раз взглянул на меня, промолчал, но через минуту не выдержал:

— И что, если перед вами баба раздетая встанет, у вас никакой реакции?

Я чуть не поперхнулся.

— Почему же? Я гей, а не импотент. Я же сказал: мне нравятся мужчины, а не то, что я...

— Понял... Понял...

Я до сих пор не знаю, почему так легко признался ему. Наверное, подсознательно я жаждал открытости. Даже один такой момент приносит невероятное облегчение. Когда я позже рассказал об этом друзьям, они только посмеялись: „Ну и наглость у тебя!“

Водитель долго молчал. Видя, что я так и не выбрал маршрут, он предложил:

— Может, вам в гей-бар съездить?

— Терпеть не могу такие места. Там чувствуешь себя так, будто стоишь голым перед толпой. Стоит войти, как тысячи глаз принимают тебя сканировать с головы до ног.

— Ха-ха, это точно.

Он помолчал и добавил:

— Тут рядом с отелем „Шаньшуй“ есть ресторанчик, у хозяйки сын тоже из ваших...

Он поболтал еще немного, но, видя, что я не поддерживаю беседу, замолк.

В итоге я так никуда и не зашел. Мы сделали два круга по городу, после чего я попросил отвезти меня домой.

Все мы — часть одного целого. Мы одинаковые и лучше других понимаем, что нам нужно. Мы понимаем мужчин лучше любой женщины. И не только потому, что сами ими являемся, а прежде всего потому, что мы их любим...»

Дочитав статью, Вэнь Ле тяжело выдохнул. Наньгун Хуэй рассказывал ему этот случай с таксистом. Но сейчас, перечитывая текст, Вэнь Ле зацепился совсем за другие детали.

Во-первых: «В этом и беда: будни одинокого мужчины из „круга“, помимо внешней свободы, всегда пропитаны одиночеством и тоской...» Статья была опубликована двадцатого июня. Значит, в то время он всё еще считал себя «одиноким мужчиной»?

Во-вторых: он совершенно точно описывал салон фуд-терапии прямо у их дома. Хозяин — чжэцзянец семьдесят четвертого года рождения, с очень аккуратной короткой стрижкой. А Шестой номер — это постоянный массажист самого Вэнь Ле, которого он сам же и порекомендовал Наньгун Хуэю. Вэнь Ле искренне хотел, чтобы здоровье Наньгун Хуэя поправилось, поощрял его походы на процедуры... А тот, оказывается, просто наслаждался жизнью за его счет...

В-третьих: человек, который живет в долгах, позволяет себе кататься на такси «просто так», куда глаза глядят. Какая завидная широта души!

Вэнь Ле снова набрал номер Наньгун Хуэя. Телефон по-прежнему был выключен.

Лежа в пустой квартире, Вэнь Ле, к собственному удивлению, не чувствовал горечи. Напротив, в душе рождалось странное ощущение освобождения. Пожалуй, пора со всем этим заканчивать. Он и сам понимал: с тех пор как в его жизни появился Наньгун Хуэй, качество этой самой жизни неуклонно падало. Сон, душевный покой, финансы и даже эмоции — всё уходило в эту бездонную черную дыру.

Пора закрывать этот проект.

Квартира в Хайтан-ли уже превратилась в уютный, обустроенный дом. Всё было готово. Не хватало только одного — мужчины, который этого достоин. Можно найти другого, и жизнь пойдет своим чередом, а возможно, станет даже лучше. Нет, не возможно. Обязательно станет!

<http://bllate.org/book/18179/1768128>